

Т.Б. Длугач

Понятие совести и полемика о ней во французском Просвещении

Длугач Тамара Борисовна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора истории философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

В статье ставится вопрос о совести как нравственном импульсе жизни каждого индивида. В связи с историей вопроса анализируются взгляды таких французских философов XVIII в., как Ламетри и Руссо. Автор книги «Человек-машина» Ламетри исходит из убеждения, что все стремления, желания, все поведение человека определены механическими закономерностями. Главными в жизни человека являются стремление к физическим удовольствиям и желание избежать страданий. Совесть здесь нет места, она не нужна индивиду, ее наличие в действительности обусловлено неправильным детским воспитанием, невежественными идеями. Она может быть полезна обществу, но всего лишь как украшение. Если это так, то от нее надо избавиться.

Руссо, напротив, считает совесть важнейшим побудителем нравственных поступков человека и связывает ее с религиозной верой. Бог вложил в сердце человека нравственные импульсы и сделал совесть голосом души. По Руссо, совесть определена общественным состоянием человека. Различая добро и зло, человек стремится отнестись ко всем людям «по совести». Совесть не предрассудок, а глубочайшее свойство человеческой души. Она имеет отношение вовсе не к чувственным удовольствиям, а к требованиям альтруизма. В статье анализируются изложенные в различных произведениях Руссо нравственные принципы.

Ключевые слова: общественное благо, совесть, нравственные ценности, физические удовольствия, душа, внутренний голос

Совесть принадлежит к самым интересным и загадочным явлениям человеческой природы. Удивление вызывают два обстоятельства: во-первых, человек совестливый упрекает себя сам. Ему не грозит никакое наказание, ни штраф, ни тюрьма, ни даже общественное порицание (если о его проступке никто, кроме него, не знает), и все же он мучает себя сам упреками и сожалениями, которые нередко меняют всю его жизнь, а иногда даже ведут к смертельному исходу. Вспомним, например, «Воскресение» Толстого или «Преступление и наказание» Достоевского. Во-вторых, время в данном случае не лечит, наоборот, по мере удаления от проступка нравственные мучения становятся сильнее, что и приводит иногда к тяжелым последствиям.

Правда, некоторые исследователи полагают, что у большинства людей вообще нет совести, и никакие мучения им не грозят. В связи с этим встает вопрос: является ли совесть врожденным или приобретенным свойством? Надо ли поддерживать ее или лучше избавиться от этого укора? Была ли совесть присуща первобытным народам или оформилась в более позднее время? Что мы знаем о «доисторических» временах? Не претендуя хоть на полное освещение, коснемся некоторых важных сведений из истории вопроса. Историческое рассмотрение является необходимым элементом теоретического анализа. В данном случае уместно обратиться к противоположным по духу размышлениям о совести видных французских просветителей Ж.О. Ламетри и Ж.-Ж. Руссо.

Ламетри

Хотя Англия была полем деятельности Ньютона, научные результаты в большей мере сказались на сочинениях французских, а не английских философов. Возможно время Ньютона только наступало, а великий Декарт уже некоторое время назад разработал во Франции механистический метод в качестве универсального метода исследования. Предполагалось, что любые объекты, в том числе и человек, доступны изучению с механистических позиций. Это не случайно, ведь механика в XVII–XVIII вв. была пока единственной достаточно строгой наукой.

Пионером в таком подходе после Декарта во Франции стал Жюльен Офре де Ламетри. Возможно именно в силу того, что был врачом, да еще учеником знаменитого биолога и зоолога Галлена, он попытался разработать механицизм в применении к растениям, животным и человеку, т. е. продемонстрировать универсализм механицизма. Идеи Ламетри в этом направлении были так смелы и необычны, иногда даже неприличны, создавали такую безоглядную напряженность в рассуждениях, что даже смелый Дидро называл его «позором для философов».

Смелость Ламетри состояла прежде всего в том, что все функции человека он захотел представить как машинные. Затем исходя из них оценить «работу» всего человека, да и все человеческое поведение через движение мельчайших механических частиц, движущихся по механическим законам.

Ламетри вовсе не отрицал ни ощущений, ни мышления, но стремился и их свести к механическим движениям. И, как ни странно, именно у первого французского просветителя-материалиста находит важное место эта загадочная особенность – совесть, причем – в отрицательном ключе. Почему? Начнем с понимания человеческого организма как единого целого, по описаниям Ламетри.

Хотя это живой организм, Ламетри определяет его как машину, ведь все существует по законам механики, следовательно, все – машины. Человеческая машина просто более огромная и сложная, но суть в ней та же – механика.

Заметим, что человек в конце XVII – начале XVIII вв. уже не толкуется как божье создание, а понимается как продукт природы. Природа – это огромная механическая система. Как же совесть с ее угрызениями вписывается в нее или следует из нее? Именно потому, что не вписывается, она тревожит Ламетри. Он видит, что люди мучаются угрызениями совести, ее невозможно объяснить

ни механистическими законами, ни законами самосохранения индивида. Как же она возникает? Если она не приносит людям утешения, надо ли с ней мириться? Можно ли ее устранить из человеческой жизни?

От природы человек получает все свои качества, и первое – инстинкт самосохранения. Надо попытаться начать с самого начала, т. е. с определения человека как машины. Само название опубликованной Ламетри в 1747 г. работы «Человек–машина» вызвало огромный негативный отклик со стороны двора и церкви во Франции, реакция на эту работу побудила Ламетри бежать из Франции ко двору просвещенного прусского короля Фридриха II. Пробираясь ночью заснеженными лесными тропами в Пруссию, Ламетри фактически спасал свою жизнь. И действительно в Потсдаме – здесь были Л. Эйлер, Ф. Альгаротти, П.Л.М. де Мопертюи, позже Вольтер – он нашел образованное и доброжелательное общество, которое восприняло его идеи о человеке и его счастье так отзывчиво, что уже в 1751 г. он смог опубликовать здесь новую интереснейшую книгу «Анти-Сенека». В ней он полемизировал со знаменитым римским автором о счастье и вообще о человеке. Здесь и нашли свое место объяснения этого загадочного феномена – совести. Но начинать надо было по-прежнему с понимания того, что такое человеческая машина.

«Человеческое тело – это заводящая сама себя машина, живое олицетворение непрерывного движения. Пища восстанавливает в нем то, что пожирается лихорадкой»¹. Машина тратит энергию, но она восполняется энергией пищи. Источник движений коренится в пище. Не столь прожаренная, как у европейцев, пища вызывает у англичан большую жестокость, которая далее обуславливает надменность, ненависть и презрение к другим нациям. Пища определяет поведение, т. к. иначе энергию человеку брать неоткуда. Тело и душа тесно связаны, и если питать тело, душа становится бодрой, наполняется отвагой. Но не одна пища влияет на людей. Погода также воздействует на них.

Иными словами, Ламетри наблюдает, как воздействуют внешние раздражители на нашу машину. Но сама машина состоит из винтиков и колесиков. Вопрос о связи биологического и механического Ламетри пока не ставит, он просто сводит биологические процессы к механическим движениям. В границах механической работы машины возникает такое явление, как совесть. Она вызывает в человеке мучения и раздражение, она угрожает спокойствию и потому самосохранению. Ее надо описать как нечто странное, потому что, во-первых, она ориентирована не на данного человека, а на какого-то другого, из-за которого испытывают угрызения. Во-вторых, она ориентирована вообще не на индивида, а на общество, именно оттуда каждый отдельный человек черпает свои представления о добре и зле, о добродетели. Но как и почему они возникают в обществе, какова их функция, если из механических движений наших ощущений (как мельчайших движущихся шариков) ее не вывести? Еще раз вернемся к началу.

Мы рождаемся, как правило, с нормальным механическим устройством всех органов и всего тела, все подогнано к единому, все работает как часы. Душа воспринимает в себя все состояния тела. Различие между человеком и животным несущественно, главное – это состояние машины, а она у нас и у животных почти одинакова, все живые организмы представляют собой «лест-

¹ Ламетри Ж.О. Человек–машина // Ламетри Ж.О. Соч. М., 1976. С. 183.

ницу с незаметными ступенями». Тела отражают внешние воздействия на них. Но устройство центрального органа так сложно, что пока нет возможности в нем разобраться досконально.

Природа дает нам все наши ценные качества, тех же, кого природа одарила меньшими дарами, мы должны жалеть, но не презирать, и наказывать меньше, чем хотели бы. Если кто-то склонен к злым делам, то он большей степени заслуживает жалости, чем наказания. Мы исходим, далее, из собственных интересов и, помогая другим, имеем в виду, что и нам когда-то нужна будет помощь. Это и есть, согласно Ламетри, «естественный закон», за которым фактически скрывается разумный эгоизм.

Итак, особая организация тела, подогнанность всех частей – исток наших действий, чувствований, мышления, и человека правильно считать машиной. Несколько больше колес и пружин, чем у самых совершенных животных, мозг, сравнительно близко расположенный к сердцу и вследствие этого получающий большой приток крови – вот как устроена наша машина. Сердце, артерии, мускулы сокращаются и во время сна, и во время бодрствования, а легкие выполняют роль постоянно действующих мехов. И разве не механически происходит сокращение мышц мочевого пузыря, прямой кишки и т. д.?

Ламетри считает, что быть машиной и чувствовать, мыслить – в этом нет противоречия, потому что ощущения представляют собой механические шарики, которые достигают действующего в теле чувствилища и вызывают обратное движение, что и создает ощущения.

Исходя из этих философских оснований Ламетри думает, что ощущения никогда не обманывают нас, т. к. они представляют нас и заставляют нас чувствовать самих себя таковыми, таковы мы есть. Ощущения – главный источник знания, разум вторичен, поэтому из всего вышесказанного следует также другой, достаточно парадоксальный вывод: ум, знания и разум чаще всего бесполезны для счастья, так как главное – ощущения, протекающие механически.

Что вытекает из того обстоятельства, что человеческое тело огромная машина? Ламетри выводит все свойства и желания человека из ее действия, и первое стремление – это стремление к самосохранению. Он исходит здесь из понимания человека как атомарного существа, надо прежде всего, как убеждены все французские материалисты, изучать человека поодиночке, общество же представляет собой только совокупность единичных волей и желаний. Эти два подхода соответствуют двум центрам рассуждений французских мыслителей. Один – индивидуальный, т. е. природный, каждый человек выступает как изолированное природное существо, все свойства и потребности которого определены природой, т. е. механикой. Общественные же потребности складываются из совокупности индивидуальных и обеспечиваются воспитанием. Исходный пункт – индивид, и если иногда мы встречаемся в сочинениях Ламетри с указанием на приоритет общественных интересов, надо признать, что это – исключение. Первичны индивидуальные стремления. На них и строятся определения счастья, по поводу которого Ламетри полемизирует с Сенекой и стоиками.

Надо сказать, что счастье в понимании Ламетри – довольно простая вещь. Причем выполнение половины условий счастья не зависит от человека, они определены природой: быть здоровым, хорошо организованным, спокойным. Кроме того, надо быть довольным как в нищете, так и в благосостоянии, не

иметь дурных страстей, принимать удовольствия и наслаждения, не стремясь к ним, достигать добродетели посредством познания истины – вот что составляет высшее благо, а по сути – благополучие среднего здравомыслящего человека. Однако возникает вопрос, почему добродетель необходима для высшего блага, ведь она, как было сказано, угрожает самосохранению и индивида? Это остается пока без ответа.

Рекомендации Ламетри в отношении способов достижения блага и счастья не очень применимы: иметь хорошее телосложение, красоту, здоровье, таланты зависит только от природы; ум, почести, слава – вот это дело личности, и имея то и другое, мы добиваемся счастья. По-видимому полагается, что все это доступно большинству, за исключением совести, хотя она все время прорывается в действиях человека как нечто неустранимое и имеющее большое значение.

Богатый человек должен помогать бедным, заботиться о них. Если он не обнаруживает сострадания, значит, богатство оказалось в плохих руках. Надо облегчать участь несчастных, поощрять добродетель, ободрять таланты. Только безумец расточает свое состояние на излишества, голос которых заглушает голоса несчастных. Я не отрицаю наслаждения, – признается наш автор, – хотя оно и не сводится только к физическим удовольствиям (почему, ведь раньше сводилось?). Те, кому последние необходимы, пусть пользуется ими, так создала их природа, но Ламетри дает обет большей умеренности и хочет, чтобы только «естественная потребность» призывала и указывала немногие часы сладострастия. Благо разумно управлять наслаждением так же необходимо, как и другими потребностями, и его также создала природа. Благо разумная жизнь – это и есть счастье.

Итак, разумное желание того, что сводится к физическим (биологическим) удовольствиям – условие счастья. Но здесь выясняется, что и добродетель нужна, ведь мы должны помогать всем несчастным, попавшим в беду, хотя и было сказано, что от рождения мы в очень малой степени наделены идеей добродетели: «Добродетель и честность чужды сами по себе природе нашего существа; они украшение, но не основа счастья»². Мы рождаемся без идей добродетели и справедливости, мы ориентированы только на получение физических (не забудем, что физическое, механическое и биологическое для Ламетри – это одно и то же) наслаждений. Для идей совести нет в нашем теле и в нашей душе ни малейшей механической основы. По-настоящему, исходить надо из физических удовольствий, т. к. душа – это их совокупность.

Откуда же берутся угрызения совести и для чего они? Ответ у философа готов: если нет для нее надлежащего органа в теле, то она возникает из предрасудков разума и воспитания. Он рискует даже утверждать, что ум, добродетель и разум чаще всего бесполезны для счастья, а иногда даже убийственны для него, что размышления иногда равносильны угрызениям совести. Ведь мы видим, как огромное количество невежд бывают счастливы как раз благодаря своему невежеству и даже благодаря своим предрасудкам, а ведь самое главное для человека – его счастье. Все люди стремятся к собственному благополучию и являются на свет с этим желанием, мнения всех людей сходятся в том, что целью человека является наслаждение.

² Ламетри Ж.О. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье // Ламетри Ж.О. Указ. изд. С. 310.

Индивиду совесть не нужна, она ему ни в чем не помогает, скорее, мешает, угнетая его дни сожалениями. И если бы человек жил в одиночку, то он не нуждался бы ни в какой совести. Но обществу она нужна. Почему? Ламетри приводит аргументы в пользу того, что хотя нет абсолютной добродетели (здесь к нему присоединился бы другой видный французский материалист – К. Гельвеций), есть относительная добродетель – украшение и опора для общества. Впрочем, не совсем понятно, почему она – опора, и почему общество распалось бы, если бы ее не было. Почему именно в обществе складываются представления о добре и зле, о добродетели, из которых черпает свои представления отдельный индивид? И какой же совесть предрассудок, если Ламетри, противореча самому себе, призывает помогать бедным и несчастным? Ламетри приводит множество сравнений, доказывая, что совесть как украшение в известной мере необходима, что его можно сравнить с деревом, о котором вовсе не заботятся и которое ищут в жаркий день только ради его тени. Добродетель можно сравнить с алмазом, который она надевает на палец, грубые люди любят не ее самое, а алмаз. Так домогаются руки уродливой старухи ради висящих в ее ушах украшений.

Мы видим, как люди, совершая добродетельные поступки, нередко мучаются, становятся несчастными: входят ли эти страдания в природные, естественные стремления? Нет, решительно отвечает Ламетри, они не определены природой. Влияние угрызений совести только отрицательное, они никак не способствуют главному инстинкту – самосохранению, напротив, они его ослабляют, сводят на нет: «...верно, что добродетель и честность чужды сами по себе природе нашего существа; они – украшение, но не основа счастья. Сколько людей, несмотря на свою добродетельность, честность, целомудрие и трезвость, несчастны!»³. И наоборот: счастливыми себя чувствуют лживые, трусливые люди, убийцы, даже отцеубийцы. Без угрызений прекрасно можно обойтись, и люди без них обходятся, хотя, казалось бы, в некоторых случаях это невозможно. Так, умирающие на море с голоду съедают того из своих товарищей, на кого падает жребий, испытывая не более сильные угрызения совести, чем людоеды. Но так ли это?

Ламетри приводит множество примеров в пользу «украшений общества»: «Вы узнаете также из Плутарха, что в Сегарре не знали, что такое стыд, воровство, прелюбодеяние и т. п. В других странах женщины были общим достоянием и переходили от самца к самцу, в Сегарре они отдавались первому попавшемуся здоровому юноше. В старину только женщины стыдились того, что их поклонники соперничают между собой, тогда как последние торжествовали, презирая любовь и добрые нравы. Военный угар – этот бич человечества, более страшный, чем все пороки вместе взятые, не вызывает никакого чувства раскаяния. Его требует честолюбие государей. Итак, мы видим, что совесть, вызывающая раскаяние, является порождением предрассудков»⁴. Каких? Как они появляются? На самом деле, думает Ламетри, не сама совесть, а страх перед возможным наказанием заставляет нас чувствовать угрызения. «Презрение, бесчестие, страх, позор, угрызения совести приставлены к порокам для того, чтобы преследовать их и устрашать их, служа им в качестве фурий»⁵. Только

³ Ламетри Ж.О. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье. С. 284.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же. С. 255.

страх перед законом удерживает злого человека. До совершения преступления угрызения совести бесполезны, но они не нужны и после преступления. Преступление уже совершено, когда они появляются, да и то у немногих.

Ламетри видит пользу угрызений совести лишь в одном – они дают нам повод пожалеть людей, которые наделены не столь благотворной организацией, как наша, и стремятся ко злу. Некоторые, говорит Ламетри, приписывают угрызения всем людям, но это не так: «добродетель и честность чужды сами по себе природе нашего существа»⁶. Если угрызения совести вредят хорошим людям и если они не могут служить уздой для злонамеренных людей, то они по крайней мере бесполезны для рода человеческого. Они только обременяют столь же достойные сожаления, сколь плохо устроенные машины, склонные ко злу так же, как хорошие склонны к добру: «...если угрызения совести являются недействительным лекарством от наших недугов, если они замутняют даже самые чистые воды, нисколько не очищая при этом даже наименее мутные, то уничтожим их: пусть плевелы отныне не будут примешиваться к здоровым зернам жизни и пусть навсегда будет изгнана эта жестокая отрав»⁷.

Но как же их изгнать? Для этого надо выяснить, как они появились. Поскольку Ламетри уже объявил, что угрызения совести чужды человеческой природе, не остается ничего другого, как искать причину возникновения совести в воспитании. Именно поэтому и нужно стараться сделать воспитательные идеи просвещенными, чтобы избежать ошибок. Ламетри убежден, что совесть рождается в раннем возрасте, когда детей неправильно воспитывают. «От рождения мы столь в малой степени наделены идеей добродетели, что она остается неустойчивой к тому времени, когда воспитание и привычка развили и усовершенствовали наши органы... Кто не знает тлетворного влияния дурных книг и скверного общества?»⁸.

От природы существует очень мало Карнеадов, которые делали бы добро ради добра и даже в ущерб собственному благополучию. Очень мало людей ценят добродетель тем выше, чем более она скрыта. Большинство людей рождается эгоистами, т. е. безнравственными, прирожденные альтруисты явление редкое. И если природа и разум хотят, чтобы мы были преступниками, будем ими! – заключает Ламетри.

Но теперь Ламетри неожиданно дает ответ на вопрос, в чем совесть является не только украшением общества, но и его опорой: человек живет вместе с другими людьми, он заключает с ними общественный договор (это признавали уже мыслители XVII в.) в результате требований разумного эгоизма и потому должен ставить себя на место несчастных и помогать им. Это и есть существование совести в виде «опоры».

Однако поскольку требования общества вторичны по сравнению с желаниями индивида, от угрызений совести необходимо избавиться. Это означает – сделать людей менее несчастными. Призывая устранить угрызения совести, Ламетри уверен, что говорит языком природы, его требование – это требование природы, природы, сведенной к ее чистой сущности. Я не призываю к преступлениям, – признается просветитель, – я призываю к тому, чтобы человек

⁶ Ламетри Ж.О. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье. С. 284.

⁷ Там же. С. 262.

⁸ Там же. С. 264.

больше подчинялся своим страстям и своей крови, чем идеям, связанным с угрызениями совести. Я не морализирую, не проповедую, я только объясняю, причем объясняю, обращаясь к природе. Каждый создан для чего-то: Пирр – чтобы быть завоевателем, Картуш – вором. Советы бесполезны тому, кто родился с жаждой крови и резни. Я оплакиваю судьбу человечества, попавшую в столь плохие руки, как его собственные, и я вовсе не способен к тому, чтобы порождать преступления... Из того, что я стараюсь избавить людей от угрызений совести, вовсе не следует, что я отказываюсь им служить и готовлю им гибель. Напротив, я ненавижу все, что служит во вред обществу⁹. В конечном счете ему во вред служит то, что идет во вред индивиду. А ему совесть не свойственна, она никак не следует из его организации, требований самосохранения, физических потребностей. Она – лишнее.

Согласны ли были с Ламетри его современники? Ни Дидро, ни Руссо не разделяли его взгляды. Руссо и прямо, и косвенно полемизирует с Ламетри.

Руссо

Казалось бы, Ламетри рассуждает вполне логично, если исходить, конечно, из интересов индивидуального лица. Но ведь есть еще общество, общественные интересы. Однако если их рассматривать только как сумму индивидуальных, то отличия от индивидуального нет. Именно в свете этого понимания развивал свои доказательства Ламетри. Его оппоненты исходили из иного понимания общественного. Это не Вольтер – вопросы совести его особенно не тревожили, так же, как и в целом проблемы нравственности. Он и сам мог иногда совершить нечто не очень добродетельное (например, подделать векселя, за что получил упреки от Фридриха II).

Дидро совершенно сознательно вводит в свои рассуждения нравственные принципы, причем не только в «Систематическом опровержение книги Гельвеция “О человеке”», но и в «Племяннике Рамо». Здесь речь идет и о чувстве человеческого достоинства, не обусловленного никакими телесными свойствами, но определяющего иногда человеческое поведение, и о честности и т. п. Правда, о совести нет ни слова. В философии Руссо есть понятие совести, которому в его сочинениях уделено значительное внимание. Более того, для Руссо совесть чуть ли не главный импульс в жизни каждого человека.

Руссо вообще не был похож ни на одного из своих друзей: он спорил с Вольтером о политике, он спорил с Гельвецием о воспитании, и он спорил с Ламетри... о совести. Он был особенным просветителем. Самое главное его отличие от других заключалось в глубокой религиозности. Вольтер был деистом, Ламетри, Гольбах, Гельвеций, Дидро – атеисты, Руссо выбивался из этой, казалось бы, очень близкой ему команды. Прежде всего, Руссо не согласен с Ламетри в том, что человек – это машина, и убежден, что человеческие чувства невозможно представить как машинные действия. Важно, что у человека есть не только физиологические ощущения, но и чувства, не сводимые к ним. Этим пониманием Руссо также отличался от других просветителей, которые наделяли человека лишь ощущениями. Человек – природное существо, но природу, со-

⁹ См.: Ламетри Ж.О. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье. С. 288.

гласно Руссо, создал Бог, человек в конечном счете тоже его творение, и он наделен чувствами. Конечно, в первую очередь – это чувство любви к себе, чувство самосохранения. Но во вторую очередь – чувство любви к другим людям, чувства жалости, сострадания, участия. Надо сказать, что во многих толкованиях Руссо любовь к другим людям выглядит вовсе не вторичным чувством, а таким же основным, как и любовь к себе. Признаем тогда, что единственному из всей когорты просветителей именно Руссо были присущи альтруистические толкования.

Чувствами любви к другим людям наделил человека также Творец. Руссо воспекает и благодарит Творца за особое место человека в природе. Человек ведь умеет размышлять обо всех предметах, он умеет пользоваться огнем, приручает животных, чувствует красоту и любовь.

В существовании всемогущей, разумной и доброй силы – Творца – Руссо убеждает разумное, как он думает, устройство мира, подогнанность всех частей в одно целое, всех органов в один организм. Кроме того, как полагает Руссо, именно эта верховная сила наделяет движением все тела во Вселенной, и говорит о том, что скалы (которые материальны) не движутся, движение материи придает другая, жизненная сила. Но он признается в том, что больше, чем всякие рациональные доказательства, его убеждает в бытии Бога какое-то внутреннее чувство. Он чувствует благодарность к высшей силе за то, что она существует, что она породила человека и определила ему достойное место в природе.

Чувства любви, сострадания, присущие человеку, распространяются не только на людей. К животным они тоже относятся, и не только к животным: природа вызывает у человека любование, восхищение, удивление. Природа для Руссо не столько объект познания, сколько предмет восхищения. Он посвящает многие страницы своих сочинений, особенно в «Новой Элоизе», восторженным описаниям природы. Ничего общего с «машинным апофеозом» Ламетри у Руссо нет, человек это живое, чувствующее существо, а вовсе не машина, и никакими механическими движениями его действия не объяснить.

Наконец, человеку присущи нравственные принципы вообще, он отличает добро от зла, старается жить добродетельно, и не только для себя. Конечно, первая забота человека – самосохранение, но вторая забота (может быть, такая же сильная) – о других, причем она осуществляется не ради себя, а именно ради других людей. В силу этих убеждений Руссо все дальше отходил от энциклопедистов, многие исследователи вообще сомневались, можно ли его отнести к просветителям.

Конечно, просветителем он был – как и все они, он опирался на природу, правда, «опрошенную», не тронутую цивилизацией, и на воспитание, хотя также далеко отстоящее от наук и искусств.

Учение о значении нравственных принципов в человеческой жизни создается Руссо с любовью и тщательной проработкой. Нравственности полностью посвящена IV книга в работе «Эмил, или О воспитании». Именно по этой работе можно судить о том, как, с точки зрения Руссо, велика роль совести для человека. Если сочинение Ламетри можно назвать не только «Анти-Сенекой», но и «Анти-Совестью», то аргументацию Руссо можно охарактеризовать как апологетику совести. Совесть занимает центральное место в его учении его о

нравственности. Нравственность укоренена в Божественных решениях, в разделении человека любви к людям. Даже общественный договор имеет своим источником любовь, а не только разумный эгоизм.

Мы привязываемся к ближним не столько потому, что чувствуем их удовольствия, сколько потому, что чувствуем их страдания, мы хорошо видим тождество их и нашей природы и понимаем, что они помогут нам в случае необходимости.

В «Письме о добродетели и счастье» Руссо ставит вопрос о том, бесплодно ли изучение добродетели и отвечает: Нет! Природа одарила нас чувствами, а не знаниями, окончательный ответ о человеке надо в своем сердце, а не в рассудке. Надо изучать свое сердце, «побеждать свои низкие страсти, преодолевать их и уподобиться Богу»¹⁰. Каждый чувствует, что счастье не только в нем самом, а в тех, кто его окружает, потребность любить, желание нравиться зависит от окружающих. Мы по-настоящему не испытываем даже удовольствия, если нам не с кем его разделить.

Но обосновать нравственные принципы и импульсы, по Руссо, можно только в том случае, если мы укореняем их в вере. Не один раз повторяет он в IV книге «Эмилия», что мир управляется могучею и мудрою волею. Правда, до конца дойти в таком понимании человеку не дано: вечен мир или создан, едино ли начало вещей или их два (или больше), какова их природа – этого человек не знает, да и надо ли знать это?

Мое существование подчинено Божественному существованию, – продолжает он, – я вижу Творца повсюду в его творениях, я чувствую его. Поклонение ему подсказано мне самой природой, во мне рождается благодарность и признательность к Творцу человеческого рода за то, что он создал меня таким. Эта признательность, согласно Руссо, рождается оттого, что человек чувствует себя орудием верховного существа: «Существо из существ! Я существую потому, что существуешь Ты. Непрестанно помышлять о Тебе для меня значит возвышаться до моего начала»¹¹. И далее: я чувствую себя созданием и орудием верховного существа, которое хочет блага, которое создает и мое благо, если оно верно соотносится с его волей и если я буду правильно пользоваться свободой. Главная цель существования – обращение к Богу, беседа с ним, благодарность за его дары.

Религиозное чувство Руссо называет «естественной религией». Надо сказать, что Руссо постоянно получал упреки и предостережения от официальных религиозных кругов за то, что и в сфере религии он предлагал то, что назвал естественным. С его точки зрения, вовсе не обязательно выполнять религиозные обряды, нельзя смешивать, уверяет он, религиозные церемонии с самой религией. Посредниками между людьми и Богом могут служить книги, а не священники (воззрения Л.Н. Толстого в этом смысле были близки воззрениям Руссо). Руссо имеет в виду только Священные книги – Библию и Евангелие, последнее заключает в себе все великие и поразительные истины.

Естественная религия требует лишь признания вечного и благотворного существа, признания правильным наказания грешных и награды праведников. Интересно, что признание общественного договора также входит в число требований естественной религии.

¹⁰ Руссо Ж.Ж. Письмо о добродетели и счастье // Этическая мысль. 2015. № 2. С. 128.

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль // Руссо Ж.-Ж. Педагогические соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 301.

Итак, нравственность Руссо выводит из религиозного чувства и общественных чувств человека, но это совсем другие общественные чувства, нежели у Ламетри. У того это «украшения» и в некотором роде «опора», у Руссо это никак не украшения, а неустрашимые требования человеческой природы. Именно из нравственных отношений и возникает импульс совести. Нельзя думать, что невозможно вывести совесть из нашей природы, убеждает он. В нашей душе есть врожденные чувства любви к ближнему и добродетельным поступкам: «Есть, значит, в глубине душ врожденное начало справедливости и добродетели, в силу которых, вопреки нашим собственным правилам, мы признаем свои поступки и поступки другого или хорошими, или дурными; это именно начало я называю совестью»¹². И непосредственно против Ламетри направлено следующее рассуждение: «Но при этом слове со всех сторон слышу я вопли мнимых мудрецов. “Заблуждения детства, предрассудки воспитания!” – кричат они в один голос... Они осмеливаются отвергать это очевидное и всеобщее согласие всех наций»¹³. Если совесть – это заблуждение, предрассудок и от нее надо избавиться, откуда же тогда возникают в сердце восторги удивления перед геройскими деяниями, любовное восхищение перед великими душами? Какое отношение все это имеет к частному интересу? Если совесть – дело предрассудков, то нет морали, но если человеческому сердцу прирожденно чувство справедливости, то пусть, кто считает человека существом простым, устранил эти противоречия. Руссо неоднократно подчеркивал, что справедливость вытекает из общественных отношений, а они в конечном счете – продукт природы и Бога, отсюда же и совесть. Если, по Ламетри, природа призывает человека быть эгоистом, то, по Руссо, прямо наоборот.

Если страсти – голос тела, то совесть – голос души, и слушаться следует именно его, потому что человек – существо общественное, связанное общественным договором, на котором вырастают все гражданские права и обязанности, в глубине которого скрыта совесть. Совесть властвует как не только общественное, но и природное начало. «Каждый, говорят, содействует общему благу из-за своего интереса. Но откуда же происходит то, что справедливый содействует ему в ущерб себе? И что значит идти на смерть ради своего интереса?»¹⁴. Руссо приводит множество примеров, когда человек жертвует своей жизнью часто из-за постороннего человека, чужого ребенка, даже из-за идеи. Есть нечто выше собственного интереса – то, что мы называем справедливостью, добром, и о чем говорит нам совесть. «Без сомнения, каждый хлопочет лишь ради своего интереса (но Руссо уже высказал мнение, что не всегда. – Т.Д.), но если существует нравственное благо, которое нужно принимать в расчет, то личным интересом можно будет объяснить лишь поступки злых, слишком гнусной была бы философия, при которой мы были бы стеснены в добродетельных поступках, при которых не иначе можно было бы избавиться от хлопот, как подыскивая для этих поступков низкие намерения и противные добродетели мотивы, при которых мы вынуждены были бы унижать Сократа и клеветать на Регула»¹⁵.

¹² Руссо Ж.-Ж. Эмиль. С. 304.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 305.

¹⁵ Там же.

Руссо думает, что совесть робка, она любит уединение и мир, споры и шум ее пугают, она убегает или умолкает. Тем не менее она всесильна, люди подчиняются ей, часто даже против своей воли, она руководит поступками и иногда меняет всю жизнь человека. «О, совесть, совесть! Божественный инстинкт, бессмертный и небесный голос, верный путеводитель темного, ограниченного, разумного и свободного человека, непогрешимый ценитель добра и зла, уподобляющий человека Богу. Это ты создал превосходство его природы и придал нравственный смысл его действиям; без тебя я не чувствую в себе ничего такого, что поднимало бы меня над уровнем зверей»¹⁶.

Бог дал человеку свободу, и он не хочет устранять из мира зло либо потому, что не хочет отнимать у человека свободу (в том числе и делать зло), либо злые поступки значат очень мало для всемирного устройства. Вот почему Руссо восклицает: «Человек! Не ищи иного виновника зла; этот виновник – ты сам. Не существует иного зла, кроме того, которое ты совершаешь или терпишь. И то, и другое в тебе от тебя самого же. Всеобщее зло могло бы проявиться лишь в беспорядке, а в системе мира я вижу незыблемый порядок»¹⁷. Все, что человек делает свободно, не может быть вменено Провидению, все, что делает нас безнравственными, как и нравственное зло, бесспорно, дело рук наших.

Приведенные тексты ясно свидетельствуют о серьезном противостоянии Руссо – Ламетри и о том, что происходит оно на религиозной почве и на ином понимании общества. Бог вкладывает в сердце человека нравственные принципы с совестью в центре, благодаря различению добра и зла через чувство любви к другим людям.

Но Руссо не был бы просветителем, если бы не считал необходимым воспитание нравственных ценностей, хотя они и прирожденны. Самый важный, пожалуй, для ребенка возраст – от 15 до 18 лет – отдан этому этапу. И ему посвящена вся четвертая книга «Эмиля».

«Я хочу показать, – пишет Руссо, – как из сердечных движений поднимаются первые голоса совести, а из чувств любви и ненависти – первые понятия о добре и зле. Справедливость и доброта не есть чисто нравственные понятия, созданные разумением, но являются истинными влечениями просвещенной разумом души, на одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона»¹⁸. Вновь здесь Руссо противопоставляет разуму чувства. Если для всех просветителей исходными признаются ощущения, говорящие в пользу индивида, а разум требует соотносить личный интерес с общественным, то Руссо, напротив, исходит из чувств, требующих учесть интересы других людей, тогда как разум индивидуально-эгоистичен. И это убеждение также отличает его от прежних друзей (исключение составляет, может быть, Дидро).

Даже правило делать другим то, что хотели бы себе, согласно Руссо, имеет основание в совести. Любовь к людям, вытекающая из любви к себе, – вот принцип человеческой справедливости. Не совсем эти слова укладываются в «естественную» схему Руссо, мы ведь уже видели, что любовь к другим не вытекает из любви к себе, она альтруистична и держится на самой себе. Но Руссо иногда не выдерживает требований собственных идей.

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Эмиль. С. 306.

¹⁷ Там же. С. 296.

¹⁸ Там же. С. 246.

Каким человек становится в результате нравственного воспитания? Каковы цели воспитания вообще?

Около ста лет тому назад известный русский философ В.В. Розанов сурово осудил Руссо за его воспитательную программу. Он увидел ее главный недостаток в том, что ребенок выходит из рук воспитателя обыкновенным сереньким человечком, лишенным какой бы то ни было творческой энергии. Не то, что, например, в античности, говорит Розанов, когда ученики следовали за великим воспитателем – Платоном или Аристотелем – впитывали его высказывания, задавали вопросы и становились творческими личностями. Розанов во многом прав, однако он упускает из виду одно очень важное обстоятельство: Руссо и не хотел развивать творческие потенции. Дело в том, что он, как и Дидро, чутко улавливал веяния эпохи, а они состояли в требовании формирования работника, а не творческой личности. Развивающееся производство нуждалось не в творце, а в исполнителе, который, обладая минимумом знаний и умений, смог бы выполнять то, что ему предписано. Поэтому «ремесленник» Руссо гораздо больше похож на рабочего. Изобретательности и интеллектуальности от него не ждут, он должен выполнять заданную ему работу, желательно в большом объеме.

Воспитание сводится к тому, чтобы научить человека некоторым нужным приемам работы и дать минимальное образование, соответствующее запросам времени. Эмиль так и воспитывается: у него есть некоторые сведения из области геометрии и арифметики, литературы и истории, ботаники и зоологии. Причем непонятно, что заменяет для него литературные достижения, потому что книг он не читает. Как все знают, Руссо убежден в том, что книги не дают никаких знаний, они, скорее, порождают невежество, предоставляя читателю противоречивые сведения. Я ненавижу книги, признается Руссо, и выделяет для чтения только две – Библию и Робинзона Крузо. Последняя дает, по его убеждению, представление, как надо жить, овладев умением обрабатывать землю, содержать животных и ухаживать за растениями и быть довольным такой «простой» жизнью. Что касается истории, то Руссо рекомендует тех авторов, которые дают не оценки, а факты – Фукидида, Геродота, Плутарха. Лучше начать с биографий великих личностей, т. к. на их примерах воспитанник научается, как надо поступать в различных случаях. Собирать гербарий Руссо сам очень любил и наделяет этой любовью Эмиля; а вместо всяких интеллектуальных и художественных занятий воспитаннику предстоит выполнять требования здравого смысла.

Это понятие становится самым важным в идеологии Просвещения, и его мы сегодня, как наследники Просвещения, вполне принимаем, потому что за ним скрывается понимание человека как существа, получающего все свои свойства от природы, ведущего спокойную и непритязательную жизнь, удовлетворенного незначительным багажом знаний и умений, включенного в бесконфликтное общественное существование. Но если сегодня для нас это само собой разумеющиеся требования, то просветители лишь вырабатывали подобные представления вместо иерархически-сословного определения человека. Однако они очень быстро завоевали господствующее место и стали привычными и непререкаемыми. Руссо в этом плане сделал, пожалуй, больше других просветителей. Он наделил «здравомыслящего человека» такими

нужными и соответствующими своему времени чертами, что они идеально подходили его современникам. Именно они стали целью процесса воспитания. Сам Руссо признается в том, хочет воспитать не особо гениального и не особо тупого человека.

Но программа Руссо шире ее образовательных и профессиональных частей: она воспитывает человека вообще, и он – представитель третьего сословия. Как «новый» человек, он впитывает в себя многие общечеловеческие черты. Заслуга Руссо в том, что он впервые предложил образ такого нового человека и привлек к нему внимание общественности. Такие крупные педагоги, как Песталоцци, Я.А. Коменский, К.Д. Ушинский, отметили анти-феодалную, демократическую направленность программы Руссо. Люди рождаются не королями не герцогами, все выходят голыми, нагими из рук Господа, и я хочу научить всех быть людьми, научить их жить, признается просветитель.

За исключением образовательной и профессиональной частей программа сводится к нравственному воспитанию, и его цели – ориентировать людей на признание всех равными, на уважение к людям, на выполнение долга по отношению к ним благодаря различению добра и зла. Обусловливает все эти качества любовь к людям, о которой Руссо говорит и в работе «Об Общественном договоре, или Принципы политического права», написанной в том же 1762 г., что и «Эмиль».

Нравственное воспитание, по Руссо, это воспитание религиозное. С самого своего рождения человек чувствует внушенную ему Богом любовь к другим, и для того чтобы она не угасла, Руссо предлагает воспитателю организовывать общение воспитанника с другими. «Для молодого человека желательно избрать такое общество, чтобы он был хорошего мнения обо всех, кто живет с ним; с другой стороны, его надо так хорошо ознакомить со светом, чтобы он был дурного мнения обо всем, что там делается. Пусть он знает, что человек от природы добр, но пусть видит, как общество портит и развращает людей..., пусть уважает людей, но презирает толпу»¹⁹. Поэтому нужно знакомить его не с богатыми, а с бедными, вводить не во дворцы, а в хижинки; в богатых чертогах у него может зародиться чувство зависти и обиды, в бедных же домах он почувствует свое родство с населяющими их людьми, поймет, что и ему присущи те же чувства, что и он может быть подвержен тем же страданиям. Мы привязываемся к ближним не столько потому, что чувствуем их удовольствия, сколько потому, что чувствуем их страдания, т. к. в последнем случае мы видим некоторое ручательство привязанности с их стороны. Как думает Руссо, воображение, скорее, ставит нас на место несчастных, чем счастливых.

Надо здесь вспомнить первый трактат Руссо, посвященный наукам и искусствам: здесь впервые на первом плане «простая природа» и «простые», соответствующие ей нравы. Как и в «Эмиле», Руссо приводит доказательства того, что для воспитания добродетели – честности, скромности и пр. – вовсе не нужно высокое интеллектуальное образование, не требуется высокое искусство. Простым людям от природы присущи нравственные качества. «Как! Честность – это дочь невежества? Наука и добродетель несовместимы? Но что-

¹⁹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические соч. Т. 1. С. 248.

бы примирить эти кажущиеся противоположности, нужно лишь увидеть, как напрасны и пусты те горделивые названия, которые нас ослепляют и которым мы так легко даем человеческим знаниям»²⁰.

Древние персы предохраняли себя от «заразы ненужных знаний» и дали пример добродетели, ее там изучали. О Спарте другие народы говорили, что «там люди рождаются добродетельными и что сам воздух внушает добродетель»²¹. Совсем не то в Риме, где вместо священных слов: свобода, бескорыстие, повиновение законам появились имена ученых. «С тех пор, как среди нас начали появляться ученые, добродетельные люди скрылись»²². Политики древности говорили о нравах и о добродетели; наши говорят лишь о торговле и деньгах. Когда люди были невинны и добродетельны, они жили вместе с богами, но когда люди стали недобрыми, они изгнали богов; «это было пределом упадка нравов, и никогда пороки не заходили столь далеко, как в то время, когда их поддерживали мраморные колонны и когда они у входа во дворцы великих мира сего были запечатлены в коринфских капителях»²³.

Итак, простота нравов, скромность и умеренность. Чрезмерность наших страстей порождает несчастья и ошибки, надо быть скромным, в умеренности человеческих желаний коренится достаточное удовлетворение своей жизнью. У Эмиля мало нужд, и есть средства удовлетворить их. Он пожалеет и врага, который причиняет ему зло, ибо в злобе его он увидит несчастье для него самого.

Что такое добродетельный человек? – задает вопрос Руссо и отвечает: это тот, кто умеет побеждать свои привязанности (следовало бы сказать, свои чрезмерные страсти), ибо в этом случае он следует разуму и совести, исполняет свой долг – и никто не может сбить его с пути.

Люди, будьте человечны! призывает наш автор, это ваш первый долг; и он надеется, что возможно воспитать в ребенке эту любовь, потому что все первые природные движения всегда естественны, а любовь первое чувство ребенка: он любит своих родителей, свою кормилицу, всех окружающих его людей, поскольку они добры к нему. Вообще природа всегда толкает нас к доброму и прекрасному, зло и преступление обеспечивают наши чрезмерные страсти.

Научите воспитанника любить всех людей, даже тех, кто их презирает, и когда ребенок начнет помогать людям, научите его тому, что добро не столько в том, чтобы отдавать материальные ценности, сколько свою заботу, привязанность, самих себя. «Любите других, и они будут любить вас» – вот кредо и уверенность Руссо.

Вообще вера Руссо в благодетельность природы неизбывна: он не сомневается в том, что все благие поступки легко прививаются, потому что следуют природе. Им легко научить. Он не видит противоположности природы и воспитания, как Дидро, с его точки зрения, воспитание лишь развивает данные природой склонности. Говорите с воспитанником о добром, честном, показывайте ему хорошие примеры, и он очень легко усвоит их. Злые решения возникают

²⁰ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение, получившее премию Дижонской Академии в 1750 г. по вопросу, предложенному этою же Академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» (Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 19).

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же. С. 17–18.

²³ Там же. С. 23.

как противоречия природным устремлениям. Они достаточно просто устранимы, т. к. не входят в намерения природы. Злоба рождается не из природы, а из неуправляемых страстей, устремленных только к индивидуальной выгоде.

Вся нравственная программа Руссо основывается на трех важных правилах, которые зиждутся на печальных событиях: первое, если мы хотим воспитать чувство гуманности, мы не должны удивлять ребенка блестящими жребиями других, а напротив, показывать ему печальные стороны жизни. Он будет участлив, милосерден, добр. Второе правило состоит в том, чтобы внушать ребенку жалость к людям. По Руссо, жалость, сострадание более свойственны и более присущи людям, чем радость: ребенок понимает, что пожалеть другого это значит обеспечить себе жалость от других. Третье правило действует в том же ключе: жалость, внушаемая нам горем людей, измеряется теми чувствами, которые мы предполагаем в страдающих. Не приучайте своего воспитанника смотреть с высоты своего величия на бедствия несчастных, на труд обездоленных и не надейтесь научить его жалости, если он смотрит на них, как на чужих. Научите его не рассчитывать на родовитость, на здоровье или богатство, покажите ему все превратности судьбы, подыщите ему примеры людей, которые принадлежали более высокому, чем он, состоянию и пали ниже этих несчастных.

Из сердечных движений сострадания, как считает Руссо, вырастают первые голоса совести, а из чувств любви и ненависти – первые понятия о добре и зле. В «Эмиле» предлагаются способы воспитания лучших человеческих свойств – дружеского участия, чувства собственного достоинства, справедливости, скромности и т. д. Но эти методы представляют интерес главным образом для специалистов-педагогов. Для целей данной статьи главное акцентировать внимание на том, что «рассудок слишком часто обманывает нас, но совесть не обманывает никогда; она – истинный путеводитель человека, она то же для души, что инстинкт для тела; кто следует ей, тот повинуется природе и не боится сбиться с пути»²⁴.

Молчаливым признанием совести ключом нравственных отношений пронизан весь «Общественный договор». Здесь мы также сталкиваемся с мыслью, что природа не противоречит рассудку и что первые желания человека соответствуют природе. Зло вытекает из тех желаний, которые человек противопоставляет природе. «Голос природы и рассудка никогда не были бы в противоречии, если бы сам человек не наложил на себя обязательств, которые он всегда вынужден предпочитать естественному побуждению»²⁵. Как и в «Эмиле», Руссо настаивает на необходимости «помогать любому честному человеку. В «Общественном договоре» нет слова «совесть», но мы уже знаем, что она является центром всей нравственности. Так что все установления общественного договора основываются на ней.

Воспитательная программа Руссо была широко известна среди образованных кругов уже в его время. Некоторое число аристократов и помещиков пытались организовать воспитание так, как предложил Руссо, в частности, это был владелец Эрменонвиля.

²⁴ Руссо Ж.-Ж. Эмил, или О воспитании. С. 301.

²⁵ Руссо Ж.-Ж. наброски и фрагменты к «Общественному договору» // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 417.

Попытками разобраться в идеях Ламетри и Руссо, том числе, и должна отличаться будущая теоретическая работа по нравственной тематике. Противоречия между ними дают богатый материал для раздумий и решений. При этом акцент, вероятно, нужно поставить на чувственном и страдательном моментах совести и предложить новые теоретические обоснования феномену совести.

Список литературы

- Богуславский В.М.* Ламетри. М.: Мысль, 1977. 159 с.
- Ламетри Ж.О.* Анти-Сенека, или рассуждение о счастье / Пер. с фр. Э.А. Гроссман, В. Левицкого // *Ламетри Ж.О.* Соч. М.: Мысль, 1976. С. 241–295.
- Ламетри Ж.О.* Человек – машина / Пер. с фр. Э.А. Гроссман, В. Левицкого // *Ламетри Ж.О.* Соч. М.: Мысль, 1976. С. 169–226.
- Руссо Ж.-Ж.* Фрагменты и наброски / Пер. с фр. В.С. Алексеева-Попова, А.Д. Хаютина // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 407–460.
- Руссо Ж.-Ж.* Письмо о добродетели и счастье / Пер. с фр. А.И. Кигаи // *Этическая мысль.* 2015. № 2. С. 128–129.
- Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о науках и искусствах / Пер. с фр. А.Д. Хаютина // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 9–30.
- Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании / Пер. с фр. П.Д. Первова // *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 22–523.

The Concept of Conscience and Polemic About Conscience in the French Enlightenment

Tamara Dlugach

Higher Doctorate (*Habilitation*) in Philosophy. Chief Research Fellow. RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

The article raises the question of conscience as a moral impulse to the life of each individual. A brief history of the issue is considered. In connection with the history of the issue, the views of such French philosophers of the eighteenth century as Lametri and Rousseau are analyzed. Lametri proceeds from the belief that all human behavior, all properties, desires, are determined by mechanical laws. In Lametri's opinion people's striving for physical pleasures is recognized as mechanically conditioned, since the physiological processes are basically the movements of the smallest atoms of the sense organs. The whole human life is determined by the desire for physical pleasures and the desire to avoid suffering. Conscience wouldn't be here, its presence is in fact caused by a wrong childhood education, ignorant ideas. If so, then, according to Lametrie, a human being needs to get rid of it.

Rousseau, on the contrary, regards the conscience as the most important motivator of the moral actions of a human being; it is closely connected with religious faith. God put moral impulses in the heart of a human being and made conscience a voice of the soul. According to Rousseau, conscience is determined by the social state of a person. Distinguishing between good and evil, a person strives to treat all people «in accordance with conscience». Conscience is not prejudice, but the deepest property of the human soul. It has nothing to do with sensual pleasures, but with demands for altruism. Often people even sacrifice their lives to save the life of another person.

Keywords: public good, conscience, moral values, physical pleasures, soul, inner voice

References

- Boguslavskij, V. M. *LaMettrie*. Moscow: Mysl' Publ., 1977. 159 pp. (In Russian)
- LaMettrie, J. O. "Anti-Seneka, ili rassuzhdenie o schast'e" [Anti-Seneca, or on Happiness], trans. by E. A. Grossman, V. Levitsky, in: LaMettrie, J.O. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 241–295. (In Russian)
- LaMettrie, J. O. "Chelovek – mashina" [Man a Machine], trans. by E.A. Grossman, V. Levitsky, in: LaMettrie, J. O. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 169–226. (In Russian)
- Rousseau, J.-J. "Fragmenty i nabroski" [Fragments and Outlines and], trans. by V. S. Alexeev-Popov, A. D. Khajutin, in: Rousseau, J.-J. *Traktaty* [Tratises]. Moscow: Nauka Publ, 1969, pp. 407–460 (In Russian)
- Rousseau, J.-J. "Pis'mo o dobrodeteli i schast'e" [A letter on Virtue and Happiness], trans. by A. Kigay, *Eiticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2015, no. 2, pp. 128–129. (In Russian)
- Rousseau, J.-J. "Rassuzhdenie o naukah i iskusstvah" [Discourse on the Arts and Sciences], trans. by A.D. Khajutin, in: Rousseau, J.-J. *Traktaty*. [Treatises]. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 9–30. (In Russian)
- Rousseau, J.-J. "Jemil', ili O vospitanii" [Emile, or On Education], trans. by P. D. Pervov, in: Rousseau, J.-J. *Pedagogicheskie sochinenija*, 2 t. [Pedagogical Works, 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Pedagogika Publ., 1981, pp. 22–523. (In Russian)